

Олег Аграняц

Нельзя шутить со скелетами

Глава первая

1. Рабочий день начинается

— Доброе утро, синьор посланник!

— Доброе утро, синьора Фернанда! Доброе утро, синьора Тереза!

— Не правда ли, прекрасное утро, синьор посланник?

— Вы совершенно правы, синьора Тереза!

Утро было действительно прекрасное. Сергей Иванович стоял около дома, дышал утренним прохладным воздухом и решал, ехать в посольство на машине или пойти пешком. От его квартиры до посольства было всего триста пятьдесят метров.

Вот уже почти полтора года, как Сергей Иванович в отсутствие посла исполнял обязанности временного поверенного в делах в маленькой островной африканской португалоговорящей республике Сан-Антонио и в официальных справочниках местного Министерства иностранных дел значился как *enviado da União Soviética*, то есть «посланник Советского Союза».

Отсутствовал посол после довольно странного инцидента. Узнав, что на острове растет хлебное дерево, он распорядился сделать из его плодов квас. Он рассуждал так: раз это дерево хлебное, значит, из его плодов можно сделать квас. А получился напиток не только не похожий на квас, но и обладающий одурманивающим воздействием. Первым отведал этого напитка завхоз, потом посол. Завхоз надел фуражку, взял подзорную трубу, залез на пальму и стал кричать: «Вижу Большую землю!» Его сняли и первым же самолетом отправили на Большую землю. А когда посол направил в Москву телеграмму с предложением построить мост, соединяющий остров с материком, его срочно отозвали для консультаций. Назад не вернули, нового посла назначать не торопились, и вот уже почти полтора года Сергей Иванович руководит небольшим коллективом посольства и пятью группами советских специалистов, которые помогают местным строить две небольшие электростанции, налаживать работу типографии, радиостанции и метеорологической службы.

— Доброе утро, синьор посланник.

— Доброе утро, синьор профессор. Вы не знаете, как называется это дерево?

— Это гранатовое дерево, синьор посланник. Гранатовое дерево цветет, но в нашем климате

плодов не приносит. Оно прекрасно смотрится рядом с вашим домом, синьор посланник.

— Вы правы, синьор профессор.

Правительство предоставило советскому посланнику квартиру в доме на тихой улице, недалеко от посольства. На первом этаже размещалась основанная еще в начале века компания по вывозу какао и орехов колы; такой кока-колы, как на этом острове, нет нигде: настоящий орех кола и чистейшая родниковая вода. После получения страной независимости компания была национализирована, бывший хозяин улетел в Португалию, а его квартиру, занимавшую весь второй этаж двухэтажного здания, правительство предоставило советскому посланнику.

Квартира была превосходной: пять комнат, два балкона с видом на океан, но...

Внизу в компании вода била фонтаном, а в квартире посланника — маленькая струйка. Такая маленькая, что не включался аппарат для нагревания воды. Африка — она, конечно, Африка, но, как говорила Саша, жена посланника, душ без горячей воды напоминает ей пионерский лагерь.

Сам Сергей Иванович как-то приспособился, но не Саша.

— Ты решил сделать из меня спартанку, —

твердила она мужу. — Скоро я так закажусь, что запишусь на марафонский бег. Заставь завхоза разобраться, в чем дело. Ты все-таки посланник.

Сергей Иванович несколько раз просил завхоза, тот обещал, что-то делал, но безрезультатно.

— Доброе утро, синьор посланник.

— Доброе утро, синьор Ромеру.

— Прекрасная погода, синьор посланник.

— Прекрасная погода, синьор Ромеру.

Солнце еще не раскалило воздух, с океана дул приятный прохладный ветер. Однако Сергей Иванович решил все-таки воспользоваться машиной. Днем он должен будет съездить в Министерство иностранных дел, а возвращаться за машиной домой не хотелось.

Через пять минут он уже был в посольстве.

2. Текучка

Настроение у него было отличное. Срочных дел никаких. И какие дела могут быть срочными в шестнадцати часах лёта до начальства!

«Ты теперь, как Папа Римский, — напутствовал его в Москве заведующий отделом, — непосредственный начальник далеко, и подчиненные должны воспринимать все твои

указания, как святое откровение».

Он вошел в свой кабинет, сел в кресло, нажал на кнопку — и тут же появилась секретарша Света.

— Будем писать письмо.

Света села за столик с пишущей машинкой, а Сергей Иванович привычным деловым голосом начал:

— Посольство Советского Союза в Демократической республике Сан-Антонио продолжает работу по претворению в жизнь исторических указаний двадцать пятого съезда партии...

Света оторвалась от машинки:

— Сергей Иванович, а кто-нибудь читает наши бумаги?

— Никто.

Она удивилась:

— А зачем стараться?

— А мы и не стараемся. Нам главное — ответить или, как у нас говорят, не оставить без ответа. Скажем, пришлют нам указание довести до сведения местного руководства, что Земля круглая, что, кстати, соответствует действительности. Мы доведем и вовремя ответим: довели, министр иностранных дел выразил благодарность советскому правительству за полезную информацию.

— А если дадут указание довести до сведения

местного руководства, что Земля плоская?

— Доведем. Они удивятся. Но поблагодарят.

— И всё?

— Всё. Главное — помнить, что погоду делает тот, кто знает, откуда дует ветер.

И он спокойно продолжал:

— Решения съезда накладывают на нас, работников посольства, особую ответственность...

В это время в кабинет, как всегда, без стука зашел Володя Ветров, местный пинкертон.

Посольство было небольшое и по штатному расписанию полагался всего один сотрудник с погонями. Володя был неплохой парень, свое место понимал. Особого рвения к работе не проявлял, считал, что если часто выносить сор из избы, то можно вылететь из нее вместе с сором. Но пугать посланника любил. Вот и сейчас он вошел в кабинет с озабоченным видом.

Сейчас испугает, подумал Сергей Иванович и не ошибся.

— У меня есть кое-что тебе сообщить. Только не падай в обморок.

— Приученный.

Пинкертон строго посмотрел на Свету. Та поняла и удалилась.

— Ну что? Рассказывай.

— Всего мог ожидать от наших специалистов, но такого... — таинственно начал пинкертон. —

Как тебе наш специалист по печатному делу?

— Ловчев? — насторожился посланник.

— Ловчев. Что ты о нем знаешь?

— Знаю, что помогает местной типографии налаживать печатные станки. Знаю, что все зовут его первопечатником.

— Этот первопечатник в свободное от работы время печатает... никогда не догадаешься, что!

— Что?

— А вот именно, что! Местные денежные купюры.

— Лихо! Купюры хоть качественные?

— От настоящих не отличишь.

— Местные еще не догадались? — это посланника волновало больше всего.

— Пока нет.

— Ты с ним беседовал?

— Нет.

— Ты у нас по вопросам безопасности. Тебе и беседовать. Сначала спроси, в какой тюрьме он предпочитает сидеть: в местной или в Москве. Если в Москве, пусть печатает рубли... Все в моей практике было, но чтобы фальшивомонетчик...

— Что будешь делать? Напишешь в Москву?

— Что напишу? О том, что наш умелец научился печатать местную валюту, а посему не присылайте нам зарплату, сами напечатаем...

— И фамилия у него как раз, Ловчев. Людей с

такой фамилией нельзя пускать за границу.

— Всё понял. Ты у нас по безопасности, а посему: проверь и результаты доложи.

Пинкертон вышел. В кабинет вернулась Света:

— К вам доктор.

— Проси.

3. Доктор

Доктора звали Эрнест Эрнестович, имя-отчество, прямо скажем, неординарное, но кроме имени и отчества ничего неординарного в нем не было. Это был обыкновенный терапевт, в меру опытный, внимательный и по отношению к начальству особенно заботливый.

— Сергей Иванович, как здоровье?

— Прекрасно. Ни на что не жалуюсь.

— Давайте я вас послушаю.

Никаких болезней у посланника не было, да и персонал посольства подобрался здоровый. Однако официальный доктор в штате числился и должен был лечить или, по крайней мере, проводить профилактические осмотры.

Посланник снял пиджак. Несмотря на тропики, должность поверенного в делах обязывала всегда быть при пиджаке и галстуке. Расстегнул рубашку. Доктор померил давление, вынул

стетоскоп:

— Глубже дышите. Не дышите. Всё в порядке.

Посланник застегнул рубашку, надел пиджак. Докторупаковал свои инструменты и уже вроде бы собирался уйти, но посланник почувствовал, что тот хочет о чем-то его спросить:

— У вас еще есть вопросы?

Доктор колебался:

— Тут вот какое дело! Раз уж я здесь... Я все время хочу поговорить с вами по одному вопросу и не решаюсь... Вам это может показаться немного странным...

— После двадцати лет дипломатической службы меня трудно чем-нибудь удивить.

— Мне кажется, что по ночам кто-то бывает у меня в кабинете.

Посланник догадался:

— Там есть лекарства? Наркотические средства?

— Нет. Лекарства я держу в сейфе.

— И как вы замечаете присутствие постороннего?

— Вы только не удивляйтесь, но мне кажется, кто-то ночью переставляет скелет.

— Откуда у вас скелет?

— Остался от португальцев. Мой медпункт занимает четыре комнаты, при португальцах они

были школьными учебными кабинетами. Я принимаю в биологическом кабинете.

— Поменяйте замок.

— Я поменял замок. Но скелет всё равно перемещается. По направлению к двери. Как будто хочет уйти. Я привык иметь дело с вещами реальными, а тут...

— Закрепите его как следует.

— Я закреплял.

— Закрепите еще.

В это время в кабинет ворвалась супруга посланника:

— Здравствуйте, доктор. Мне сказали, что вы здесь. Это очень хорошо. Скажите Сергею Ивановичу, что ему вредно пить много кофе. Он меня не слушается.

Доктор расплылся в улыбке:

— Это верно. Много кофе пить не стоит. Сколько чашек кофе в день вы пьете, Сергей Иванович?

— Много, — признался тот. — Но маленькие.

— Надо уменьшить количество. Когда я работал в посольстве в Каире...

Доктор очень любил рассказывать поучительные истории из своей практики работы за рубежом.

— Когда я работал в посольстве в Каире, у меня был пациент. Тоже пил много кофе. А потом

сразу...

— Помер? — услужливо подсказал посланник.

Доктор понял, что сказал не то:

— Что вы! Что вы! Стал просыпаться по ночам и кричать.

— Просыпаться — куда ни шло. Но кричать — это плохо. С политической точки зрения. Местные могли подумать, что в нашем посольстве по ночам пытаются.

Доктор продолжал давать полезные рекомендации:

— Вам нужно больше гулять. Особенно перед сном. Полчаса. Лучше час. Вдоль океана. Вы со мной согласны?

— Конечно. Придешь усталый после приема в два часа ночи, ложишься, а сна нет. Тут самое время погулять часок-другой вдоль океана. Туда-сюда. Глядишь, уже светает. Восход над океаном. Айвазовский! Местные, конечно, удивятся...

В это время дверь тихонько отворилась, и в комнату осторожно проникла девочка лет четырнадцати в длинном цветастом платье. Такие платья носили почти все девчонки посольства. У них это считалось модным. Девочку звали Тоня, и была она дочкой доктора.

— Что-нибудь случилось? — испугался

доктор.

— К тебе пациент приходил. Жаловался на головную боль. Я ему дала тройчатку.

— Правильно, — одобрил решение дочери.

— Я и давление померила. Сто двадцать пять на восемьдесят два.

Отец снова ее одобрил:

— Правильно сделала, — и, повернувшись к Саше, добавил: — Она у меня молодец.

— Действительно, молодец, — согласилась Саша. — Только уж очень бледненькая.

— На улицу не вытацишь. У меня в кабинете стоит скелет. Еще от португальцев остался. Другие девчонки — на пляж, а моя кости считает. Весь скелет по косточкам разобрала. Врачом хочет стать.

— В отца.

— И в деда. Фамилия у нас самая что ни на есть медицинская: Лекаревы.

Получив поддержку от отца, Тоня тут же заявила:

— А у нас скелет начал по ночам ходить.

Отец ее остановил:

— Прекрати.

— Правда, ходит.

Сергей Иванович о такой новости уже был проинформирован, но Саша удивилась:

— Сам?

— Сам! — уверенно подтвердила младшая

Лекарева.

Отец взял ее за руку и потащил к двери.

Когда Лекаревы ушли, Саша спросила мужа:

— Ты уже говорил с завхозом?

— Пока нет.

В комнату вошла Света.

— К вам бухгалтерша.

— Зови.

4. Дела бухгалтерские

В кабинет вплыла грузная дама с кипой бумаг. Звали её Клавдия Ильинична, но для всего посольства она была только «бухгалтерша». До посольства она работала бухгалтером в какой-то строительной фирме, поэтому в валютных вопросах не разбиралась и изменение курса валют воспринимала как личную неприятность.

— Подписать надо, — начала она.

— Давайте.

Она разложила на столе длинные листы и научившийся за многие посольские годы ориентироваться в бухгалтерский сводках Сергей Иванович начал подписывать. Цифры он не проверял, знал, что бухгалтерша никогда не ошибается. Считала на старом арифмометре, а в особо важных случаях перепроверяла столбиком.

Убедившись, что посланник разбирается в ее

бумагах, бухгалтерша подошла к Саше:

— Извините, Александра Михайловна. Пока Сергей Иванович занят, я хотела бы с вами посоветоваться. Я хочу связать себе платье на зиму. Из мохера. Это очень теплая шерсть, а я мерзлячка.

Но Сергей Иванович, хоть и был занят бумагами, всё слышал:

— Для здешней зимы вам понадобится только набедренная повязка. А вот если вы перерасходите смету, вас пошлют туда, где вам выдадут спецодежду... и пилу.

— Вы всё шутите, а я в нерешительности.

Она снова обратилась к Саше:

— Как вы считаете, оранжевый мне подойдет?

И снова, не отрываясь от бумаг, ответил Сергей Иванович:

— Вам подойдет фиолетовый.

— Почему? — удивилась бухгалтерша.

— Вы начали с этой стороны радуги. Я бы начал с другой. «Как однажды Жак звонарь городской сломал фонарь».

Бухгалтерша забыла, а скорее всего, и не знала, закон цветов радуги и удивилась:

— Какой фонарь? Если перегорела лампочка в фонаре на улице, то лампочку должны менять не мы, а местные власти. Наша смета не предусматривает замену лампочек на территории вне посольства.

Тут уж не выдержала Саша:

— Смета. Смета. Как смету составлять: «Посланник и так живет в роскоши». Ну, в какой роскоши мы живем! Вы знаете, как пьяниц обрабатывают в вырезывателе?

Бухгалтерша растерялась:

— Не приходилось.

— Их поливают сначала холодной водой, потом горячей, потом холодной. У нас в душе такое же. То кипятком, ошпариться можно, то вода ледяная.

Эту проблему бухгалтерша знала:

— Сергею Ивановичу надо нажать на завхоза. Он хоть и бездельник, но временами очень трудолюбивый.

— Горячей воды у нас нет, — не успокаивалась Саша. — Теперь еще и скелеты ходить начали!

— Какие скелеты? — испугалась бухгалтерша.

— Сметой не предусмотренные, — успокоил ее посланник и, подписав последнюю бумагу, спросил: — Всё?

— Всё, — ответила бухгалтерша.

Она собрала бумаги и медленно удалилась. В кабинет зашла Света.

— К вам двое: наш новый дипломат и завхоз. Кого в первую очередь?

Саша опередила супруга:

— Завхоза.

— Но новый дипломат настаивает.

— Подождет.

— И правда подождет, — согласился посланник.

— Но он странный, этот новый дипломат, очень странный.

— Всё. Все из кабинета. Зови завхоза. Всё.

5. Святой Иероним Тосканский

Завхоз Николай Николаевич Родниковский работал в посольстве уже год. Он окончил Бауманский институт и скрывал это, так как брать в завхозы людей с высшим образованием было запрещено. Скрывал он это достаточно успешно: о том, что он окончил вуз, знали только посланник, бухгалтерша и, конечно же, пинкертон.

— Где вы пропадали? — встретил его посланник.

Завхоз, как и все завхозы, часто пропадал часами.

— Показывал новому дипломату город. Посадил за руль. Посмотрел, как он за рулем.

— И как?

— Плохо. Туповатый какой-то. Два квартала проехал — и в столб.

— Помял машину?

— Не очень. Выправлю.

— Когда почините душ?

— Дело в том, что, если... — как всегда, начал оправдываться завхоз.

Сергей Иванович его оборвал:

— Вы знаете, что общего между вами и святым Иеронимом Тосканским? Нет? Я вам расскажу. Святой Иероним Тосканский пошел на костер, но не признался, что учился во францисканском аббатстве. Судя по всему, вы готовитесь повторить его подвиг и скрываете, что окончили Бауманский институт. Это первое, что вас объединяет. Есть и второе. Вы оба совершенно не разбираетесь в гидравлике. Но святому это простительно: он — богослов, а вы — завхоз.

— Где-то есть кран, который закрывает доступ воды.

— Вот поезжайте и проверьте, в чем дело.

— Придется ломать стену.

— Хоть весь дом снесите. И работайте быстрее. Учтите, невымытый начальник грязен не только телом, но и душой.

6. Новый дипломат

Завхоз ушел. Появилась Света.

— Можно звать нового дипломата?

— Зови.

— Вы знаете, как его зовут?

— Знаю. Антон Павлович Шолохов.

— Ведь надо же! Родители у него точно с приветом. Назвать сына Антоном! Антон Павлович Шолохов. Алексей Максимович Пушкин. Федор Михайлович Маяковский. Идиотизм.

— Главное, Света, не фамилия, а человек, — не согласился Сергей Иванович. — У меня в школе был одноклассник, его звали Степа, а фамилия у него была Рембрандт. Степа Рембрандт. Так вот этот Степа Рембрандт рисовать не умел совсем, а его все время назначали редактором стенной газеты. Пусть заходит.

Новый сотрудник, которого действительно звали Шолохов Антон Павлович, уверенно вошел в кабинет. На нем был костюм из тонкой серой ткани и замысловатой расцветки галстук. Это был мужчина среднего роста, упитанный, с почти круглым лицом и большими глазами.

Сергей Иванович встал из-за стола:

— Давайте знакомиться. Рюмин Сергей Иванович, посланник, шарже д'аффер.

— Шолохов Антон Павлович. Легко запомнить.

— Совершенно с вами согласен. Садитесь, пожалуйста.

Шолохов сел.

— Какой институт окончили?

— Бауманский.

— У нас уже есть один сотрудник с Бауманским институтом. К нам посылают инженеров, будто у нас промышленный объект. Место вашей последней работы?

— Лужники. Я руководил компрессором по заливке льда.

— Заливка льда... — вслух задумался Сергей Иванович. — Не очень-то востребованная профессия для Африки. Я думаю, с учетом ваших знаний и опыта вам лучше всего заняться координацией работы наших специалистов. Всего на острове сорок пять специалистов. Самая большая группа — строители. Строят ГЭС. В нашем понимании небольшую, так, колхозного масштаба. Поезжайте. Посмотрите. Если надо, посоветуйте. Есть ли какие-то вопросы?

— Вот, пожалуй. Есть ли здесь жирафы?

Сергей Иванович не удивился. И не такое доводилось слышать.

— Жирафы? На острове? Нет. Если и были, то их еще неандертальцы съели. Ни жирафов, ни слонов.

Шолохов был разочарован:

— А какие есть... звери?

— Коровы. Свиньи.

— А тропики?

— Тропики? Тропическая флора в полном наличии. Бананы. Авокадо. Вы любите авокадо?

— Я предпочитаю редьку со сметаной. Я добавляю туда немного хрена...

— Попробуйте добавлять смородиновый сок.

— Попробую, — обрадовался Шолохов.

«Тупой», — про себя отметил Сергей Иванович и продолжал:

— Только вам придется подождать, когда вернетесь домой. Потому как смородины у нас на острове нет. Будут еще вопросы — прямо ко мне. Дел у меня много, но для вас я всегда время найду.

— Я человек любознательный, — успокоил его Шолохов.

— Это я уже заметил. Осваивайтесь.

Он ушел, а посланник доверительно сообщил входящей в кабинет Свете:

— И редьки на острове тоже нет.

Пока она соображала, что это означает, он спросил:

— Ты знаешь, какая разница между идиотом и дураком?

— По-моему, это одно и то же, — ответила она.

— Не совсем. Дурак дает глупые ответы, а идиот задает глупые вопросы.

— Будете диктовать?

— Буду.

Не успела она расположиться у машинки, как в кабинет быстрыми шагами вошел пинкертон. Дел у него, как всегда, было мало, а если говорить по правде, совсем не было, и он, по обыкновению, изображал из себя крайне занятого человека:

— Мне донесли, у тебя конфликт с женой по поводу душа.

— Кто донес?

— Бухгалтерша.

— В доносчики рвется. Не хочешь взять на полставки?

— Она дура.

— Наблюдательная дура опасней снайпера. Снайпер может промахнуться, а дура — никогда...

— Как тебе новый дипломат?

— Техническое образование. Специалист по заливке катков.

— Даже так! Как к нам попал?

— Ума не приложу. Вроде бы к МИДу никакого отношения не имеет.

— Чей-то родственник?

— Не без этого. Но уж больно несерьезный родственник. Чтобы к нам в дыру! Ты его вчера вез из аэропорта. Какое впечатление?

— Со странностями. Пристал ко мне, не знаю ли я, сколько будет километров от нашего острова до Москвы по прямой.

— Может, задумал улететь на воздушном

шаре? Хорошо бы.

Пинкертон ушел, и посланник погрузился в бумаги.

Глава вторая

7. Завхоз с топором

В кабинет вбежала Света:

— Посмотрите в окно, Сергей Иванович. Там такое!

Посланник подошел к окну. По двору шел завхоз с топором. Вид у него был суровый и решительный.

— Завхоз, случаем, не брал в библиотеке Достоевского? — поинтересовался посланник.

— Он вообще никаких книг не берет.

— Я так и думал. Тогда зачем ему топор! Пойдемте посмотрим.

Света поняла, почему посланник спросил про Достоевского: — А бухгалтерша кого угодно достанет.

Они вышли из кабинета.

— Не оправдывайте преступление, пока оно ещё не совершено; дождитесь, когда его совершат, — поучал молодую секретаршу опытный дипломат.

Вокруг размахивающего топором завхоза собралось все посольство: пинкертон, Шолохов, бухгалтерша и третий секретарь Женя Бегунов.

Увидев поверенного, завхоз ринулся к нему навстречу:

— Я как раз к вам.

— С топором?

— Ну да. Я расковырял стену, а там... Вы мне разрешили расковырять стену в вашем доме.

Посланник подтвердил:

— Разрешил. Надеюсь, вы никого не успели убить?

— Я искал в чулане кран, который закрывает воду. Обратил внимание, что одна стена обклеена какими-то старинными обоями, и в одном месте обои отходят от стены. Я оторвал кусок... А там дверь. Открыл. Там еще дверь, а на ней — навесной замок. Я хотел было сбить замок, но потом...

— Значит, никого не убили?

— Никого.

— Уже хорошо.

— Сбивать замок или не сбивать?

— Вы как Гамлет: сбивать или не сбивать. Куда нам до Гамлета! У нас дверь в стене, как в сказке про Буратино.

Завхоз обрадовался:

— А я и есть Буратино. Только ключика у меня нет. Придется топором.

— Может быть, сначала поставить в известность Министерство иностранных дел? — предложил осторожный пинкертон.

Посланник не согласился:

— Нельзя недооценивать топор как орудие дипломатической практики. А сообщить Министерству можно и потом... когда узнаем, что в комнате.

— А вдруг там клад?! — предположил мечтательный фантазер Женя Бегунов. — На острове живем. Вокруг океан. Вдруг какой-нибудь Флинт...

— Очень завалиющий Флинт, — усомнился посланник. — Порядочные флинты клады зарывают, а не запирают в кладовке на навесной замок.

В разговор вмешался Шолохов. Голос у него был низкий, говорил он многозначительно и важно:

— Надо срочно послать телеграмму в Москву. Доложить о случившемся.

— Надо, — не стал спорить посланник. — Телеграмму. Лучше молнию. «Нашли клад, подробности письмом». Жалко, на острове нет телеграфа.

— Можно собрать коротковолновый приемник, — не отступал Шолохов.

— Вы знаете азбуку Морзе? — ехидно поинтересовалась Света.